

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжелую сумку и стал свое добро выкладывать на стол.

- Это что за птица? - спросила Зиночка.

- Терентий, - ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живет в лесу, как бормочет весной, как березовые почки клюет, ягоды осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Еще я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и черных. Еще у меня была в кармане кровавая ягодка костяника, и голубая черника, и красная брусника. Еще я принес с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

- Кто же их там лечит? - спросила Зиночка.

- Сами лечатся, - ответил я. - Придет, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнет топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом.

Поспит, отдохнет. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдет. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже нарочно для Зиночки принес я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слезки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок черного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес - голодно, а возьму - забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой черный хлеб, так и обомлела:

- Откуда же это в лесу взялся хлеб?

- Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

- Заячья...

- А хлеб - лисичкин. Отведай. Осторожно попробовала и начала есть:

- Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой черный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берет, а как я из леса лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

- Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

Ястреб и жаворонок

Пришли к нам два огромных охотника с добрыми лицами, похожие на двух медведей: один побольше, другой поменьше; один повыше, другой покороче.

- Не жалко вам охотиться? - спросила моя жена.

- Когда как, - ответил охотник повыше.

- Бывает и жалко, - сказал кто потолще.

- Бывает! - подтвердил высокий. - Бывает, даже весь сморщишься, чтобы только слезы не закапали.

Мы оба с женой улыбнулись, представляя себе, как сморщились от жалости эти медведи.

- Расскажите, - попросила жена, - случай, когда вы поморщились.

- Расскажу, - сказал толстый медведь.

- Ты, наверно, о жаворонке? - спросил высокий.

- И о ястребе, - ответил толстый.

- Хорошо, начинай, а если соврешь, я стану тебя поправлять.

- Нечего поправлять. Я расскажу все по правде, как это было.

Это было в конце лета, вначале августа. Мы подходили полем к лесу, где водятся рябчики. Впереди, в травке, показываясь на лысых местах, бежал от нас жаворонок.

'Миша... - говорю я. Короткий показал на высокого. - Миша, - говорю я, - ты понимаешь, почему жаворонок столько времени бежит от нас и не улетает?'

'Понимаю, - отвечает, - где-нибудь ястреб на него метится'.

'А не думаешь, что у него где-нибудь запоздалое гнездышко и он нас отводит?'

И только я это сказал, вдруг, откуда ни возьмись, ястреб. Жаворонок вмиг стал на крыло, и тут бы ему и гроб, но, к счастью для него, рядом был лес, и он в лес, и ястреб за ним в лес... Но где тут ястребу вертеться между тесными деревьями! Они исчезли в лесу, и мы занялись рябчиками.

Сделали мы в лесу кружок - ни один рябчик нам не отозвался. Итак, мы пришли опять на то место, где вошли в лес.

'Миша, - говорю я, - мне что-то есть захотелось, давай закусим и пойдем на другое место - в Антонову Сечу'.

'Хорошо, - отвечает он. - Стели газету'.

Вынул я из сумки газету, расстелил на чистом местечке, на просеке, скатертью, нарезал хлеба, колбаски, и еще тут было кое-что... Пока я этим занимался, Миша от нечего делать свистел в манок рябчикам.

'Слышишь? - вдруг прошептал он. - Слышишь?'

Я слышу так явственно - рябчик нам в лесу отзывается. Бросил я скатерть-самобранку, схватился за ружье, жду.

'Летит!' - шепнул Миша.

А это бывает далеко слышно, когда рябчик на манок порхает с дерева на дерево, и все ближе, ближе.

И вдруг наш рябчик отозвался внизу.

'Бежит!' - шепнул Миша.

Я только ружье перевел вниз на траву, чтобы встретить его, как вдруг он где-то пырх! Дальше, дальше - и улетел. А из травы выбегает к нам жаворонок.

Мы оторопели, глазам не верим: как это может быть, чтобы полевая птица жаворонок стал бы бегать по лесу?

'Да ведь это же наш! - сказал Миша. - Тот самый, что жался к нам в поле от ястреба'.

И только он это прошептал, вдруг вслед за жаворонком из травы, тоже пешком, выходит ястреб. Тут сразу стало понятно: и чего рябчик испугался и как в лес попал жаворонок.

Мы и глазом мигнуть не успели, а не то, что ружье вскинуть и убить, - ястреб взмыл и исчез. А жаворонок тоже вмиг на крыло и со всего маху - бац! - к нам на газету. Сидит и головкой на бочок: глянет вверх, нет ли ястреба, и сейчас же вслед за этим на другой бочок скривит голову и глазком своим маленьким - то на меня, то на Мишу.

Мы сидим, ни живы, ни мертвы: боимся шевельнуться, боимся спугнуть. И как подумал я тогда, что это он к нам, людям, под защиту прибежал, так, чувствую, что-то кислое подкатывается к глазам. Ну и жалко, конечно, жалко. А вы спрашиваете, не жалко ли нам охотиться? Конечно, жалко бывает.

- Чем же все кончилось? - спросили мы.

- Еще далеко не кончилось, - ответил охотник. - Жаворонок мало-помалу успокоился, перестал на небо поглядывать и устоялся на нас обоих. И, конечно, понял, что разные мы с ним, и не о чем нам между собой говорить, и что лучше все-таки от нас подальше. Хвостиком по газете помахал, поклонился и побежал. Нет, куда тут! Этим не кончилось! Упрямые охотники эти ястреба! Мы-то о нем забыли, а он где-нибудь недалеко сидел на сухом дереве и за всем нашим делом

следил. Так вот и помните, что когда видите на лесной поляне, на высоком сухостое - ястреб неподвижно часами сидит - он это не просто сидит - он ждет. И вот только мы проводили жаворонка, только-только принялись за еду, вдруг опять к нам жаворонок летит и - бац! - на газету. Но тут Миша успел, хватил навскидку, без прицела в ястреба, "и он комком полетел и стукнулся - слышно было, как стукнулся обо что-то.

- Не жалко вам ястреба? - спросил Миша мою жену.

- Нисколько! - ответила она. - Вы молодец, Михаил...

- Иванович! - подсказал охотник. - А вы спрашиваете, жалко или не жалко охотиться: бывает по-разному. А жаворонка мы отпустили, и он вернулся в поле. Как знать? Может быть, там еще и семейство у него было.

Золотой луг

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава.

Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пятю.

'Сережа!' - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: 'Очень красиво! Луг - золотой!'. Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал, одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно, если бы у вас пальцы со стороны ладони были желтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становился опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

Лесной хозяин

Расскажу, как было в лесу перед самым дождем. Наступила такая тишина, было такое напряжение в ожидании первых капель, что, казалось, каждый листик, каждая хвоинка силилась быть первой и поймать первую каплю дождя. И так стало в лесу, будто каждая мельчайшая сущность получила все собственное, отдельное выражение.

Так вхожу я к ним в это время, и мне кажется: они все, как люди, повернулись ко мне лицами и по глупости своей у меня, как у бога, просят дождя.

- А ну-ка, старик, - приказал я дождю, - будет тебе всех нас томить, ехать, так ехать, начинай!

Но дождик в этот раз меня не послушался, и я вспомнил о своей новой соломенной шляпе: пойдет дождь - и шляпа моя пропала. Но тут, думая о шляпе, увидел я необыкновенную елку. Росла она, конечно, в тени, и оттого сучья у нее когда-то были опущены вниз. Теперь же, после выборочной рубки, она очутилась на свету, и каждый сук ее стал расти кверху. Наверно, и нижние суки со временем поднялись бы, но ветки эти, соприкоснувшись с землей, выпустили корешки и прицепились... Так под елкой с поднятыми вверх сучьями внизу получился хороший шалашик. Нарубив лапнику, я уплотнил его, сделал вход, устелил внизу сиденье. И только уселся, чтобы начать новую беседу с дождем, как вижу - против

меня совсем близко пылает большое дерево. Быстро схватил я с шалашника лапник, собрал его в веник и, стегая по горящему месту, мало-помалу пожар затушил раньше, чем пламя пережгло кору дерева кругом и тем сделало бы невозможным движение сока.

Вокруг дерева место не было обожжено костром, коров тут не пасли, и не могло быть подпасков, на которых все валят вину за пожары. Вспомнив свои детские разбойничьи годы, я сообразил, что смола на дереве поджег скорей всего какой-нибудь мальчишка из озорства, из любопытства поглядеть, как будет гореть смола. Спустившись в свои детские годы, я представил себе, до чего же это приятно - взять чиркнуть спичкой и поджечь дерево.

Мне стало ясно, что вредитель, когда загорелась смола, вдруг увидел меня и скрылся тут же где-нибудь в ближайших кустах. Тогда, сделав вид, будто я продолжаю свой путь, посвистывая, удалился я с места пожара и, сделав несколько десятков шагов вдоль просеки, прыгнул в кусты и возвратился на старое место и тоже затаился.

Недолго пришлось мне ждать разбойника. Из куста вышел белокурый мальчик лет семи-восьми, с рыжеватым солнечным запеком, смелыми, открытыми глазами, полуголый и с отличным сложением. Он враждебно поглядел в сторону просеки, куда я ушел, поднял еловую шишку и, желая пустить ее куда-то в меня, так размахнулся, что перевернулся даже вокруг себя. Это его не смутило; напротив, он, как настоящий хозяин лесов, заложил обе руки в карманы, стал разглядывать место пожара и сказал:

- Выходи, Зина, он ушел!

Вышла девочка, чуть постарше, чуть повыше и с большой корзинкой в руке.

- Зина, - сказал мальчик, - знаешь что? Зина глянула на него большими спокойными глазами и ответила просто:

- Нет, Вася, не знаю.

- Где тебе! - вымолвил хозяин лесов. - Я хочу сказать тебе: не приди тот человек, не погаси он пожар, то, пожалуй, от этого дерева сгорел бы весь лес. Вот бы мы тогда поглядели!

- Дурак ты! - сказала Зина.

- Правда, Зина, - сказал я, - вздумал чем хвастаться, настоящий дурак!

И как только я сказал эти слова, задорный хозяин лесов вдруг, как говорят, 'улепетнул'.

А Зина, видимо, и не думала отвечать за разбойника, она спокойно глядела на меня, только бровки ее поднимались чуть-чуть удивленно.

При виде такой разумной девочки мне захотелось обратить всю эту историю в шутку, расположить ее к себе и потом вместе обработать хозяина лесов. Как раз в это время напряжение всех живых существ, ожидающих дождя, дошло до крайности.

- Зина, - сказал я, - смотри, как все листики, все травинки ждут дождя. Вон заячья капуста даже на пень забралась, чтобы захватить первые капли.

Девочке моя шутка понравилась, она милостиво мне улыбнулась.

- Ну, старик, - сказал я дождю, - будет тебе всех нас томить, начинай, поехали!

И в этот раз дождик послушался, пошел. А девочка серьезно, вдумчиво сосредоточилась на мне и губки поджала, как будто хотела сказать: 'Шутки шутками, а все-таки дождик пошел'.

- Зина, - сказал я поспешно, - скажи, что у тебя в этой большой корзине?

Она показала: там было два белых гриба. Мы уложили в корзинку мою новую шляпу, закрыли папоротником и направились от дождя в мой шалаш. Наломав еще лапнику, мы укрыли его хорошо и залезли.

- Вася! - крикнула девочка. - Будет дурить, выходи! И хозяин лесов, подгоняемый проливным дождем, не замедлил явиться.

Как только мальчик уселся рядом с ними и захотел что-то сказать, я поднял вверх указательный палец и приказал хозяину:

- Ни гугу!

И все мы трое замерли.

Невозможно передать прелести пребывания в лесу под елкой во время теплого летнего дождя. Хохлатый рябчик, гонимый дождем, ворвался в середину нашей густой елки и уселся над самым шалашом. Совсем на виду под веточкой устроился зяблик. Ежик пришел. Проковылял мимо заяц. И долго дождик шептал и шептал что-то нашей елке. И мы долго сидели, и все было так, будто настоящий хозяин лесов каждому из нас отдельно шептал, шептал, шептал...